

В памяти А Лани А Юй всегда оставался бесхребетным и трусливым созданием. Он вечно прятался по углам, нелепый и косноязычный, дрожащий от любого шороха. Несмотря на то что ему было уже за десять, он неизменно оставался для всех мальчишкой для битья. В складе любой желающий мог пнуть его, если подвернется случай.

А Лань никогда не участвовала в подобных выходках, но и сочувствия к нему не питала. Напротив, она глубоко презирала А Юя. Сама она, будучи еще шестилетней девчонкой, могла дать отпор обидчикам, а он — здоровый парень — знал лишь одно: прятаться. В ее глазах это означало, что всё происходящее — исключительно его вина, и винить ему некого.

По этой причине А Лань никогда не искала с ним общения. Однако А Юй, вопреки всякой логике, питал к ней симпатию и то и дело маячил перед глазами, пытаясь привлечь внимание.

Поэтому, увидев А Юя сейчас, А Лань не обрадовалась, но и прогонять его не стала, решив, что он снова начнет нести какую-то чепуху, а потом уйдет.

Но в этот раз всё было иначе. Вместо привычной застенчивости А Юй, завидев А Лань, бросился к ней, словно к спасительнице. Он хотел схватить ее за руки, но, заметив у нее в охапке сверток с одеждой, растерялся и на мгновение замер, не зная, с какой стороны подступить.

Видя такое странное поведение, А Лань, движимая редким порывом доброты, остановилась и знаком велела ему говорить быстрее. А Юй пытался, краснел, с трудом выдавливая из себя слова, и наконец выпалил:

— Тот... то есть, давай я помогу тебе отнести одежду.

Не дожидаясь ответа, он выхватил сверток из рук А Лани и первым зашагал к их общему убежищу. А Лань последовала за ним, глядя на его спину, и не знала, смеяться ей или плакать — настолько нелепым казался этот человек.

Вернувшись в конуру, А Лань проигнорировала беспокойный вид А Юя. Она не спеша разложила вещи, и только после этого повернулась к нему:

— Говори, что стряслось.

Под ее пронзительным взглядом А Юй почувствовал себя так, словно на него сыплются иголки. Его и без того встревоженное сердце забилося еще сильнее. Он мялся, запинаясь, и, наконец, решился сказать, пока А Лань окончательно не вышла из себя:

— Фан Шу... Фан Шу заболел. Я не знаю, что делать.

А Юй продолжал нервничать, но А Лань лишь рассмеялась. Фан Шу заболел? Она перебрала в

голове тысячи вариантов серьезных проблем, а этот прибежал с таким важным видом, чтобы сообщить о простуде Фан Шу? Он что, держит ее за дуру?

Весь мир знал, что для Фан Шу болеть — всё равно что пить воду или есть. Это случалось каждый божий день. Неужели стоило приходить ради этого? Смешно! К тому же, какая ей разница, болен он или нет? Разве они настолько близки, чтобы докладывать ей об этом?

Видя, как А Лань заливается смехом, А Юй совсем растерялся. Он хотел было подойти ближе и объяснить, что всё не так просто, но едва он сделал шаг, как А Лань взмахнула рукой:

— В этот раз прощаю. Но если еще раз придешь ко мне с подобной ерундой, пеняй на себя.

Сказав это, она собралась выпроводить его за дверь.

Поняв, что его сейчас выставят, А Юй запаниковал. Забыв о стеснении, он вцепился в деревянную кровать А Лани и наотрез отказался отпустить, давая понять, что никуда не уйдет. Он твердил одно и то же: Это не то же самое, в этот раз всё иначе.

А Лань порой бывала резкой, но в силу возраста и веса не могла сдвинуть с места парня, который был старше ее на несколько лет. Видя, что А Юй превращается в настоящего назойливого наглеца, она тоже разозлилась.

Сильно пнув его, она в ярости воскликнула:

— Иначе? Иначе? Да скажи ты уже, что тут особенного! Фан Шу разве хоть день не болел? Что ты заладил, прилип ко мне, как банный лист? Говори!

Оставив попытки сдвинуть его с места, А Лань села в углу и холодно уставилась на него.

— В этот раз правда иначе, — А Юй шмыгнул носом, его глаза покраснели. — Раньше, когда Фан Шу болел, он просто спал, но если я его звал — он просыпался. А в этот раз он спит уже сутки, и как бы я его ни будил — никакой реакции. Так же было, когда умер мой отец... он просто не проснулся. Мне так страшно, А Лань, что мне делать?

Он смотрел на нее с мольбой, надеясь на совет. А Лань же мечтала лишь об одном — поскорее от него избавиться.

Сидя в углу, она поняла: если она не пойдет и не посмотрит на Фан Шу, этот дурак ни за что не уйдет. Делать нечего, придется идти.

Выдохнув, А Лань открыла дверь и бросила А Юю:

— Чего застыл? Иди давай. Раз уж настаиваешь, чтобы я посмотрела на твоего Фан Шу.

Она уже собралась выйти, как вдруг, подняв голову, увидела Ань Аня. Он беззвучно стоял у порога, не сводя с нее глаз. А Лань вздрогнула и напустилась на него:

— Ну что ты вечно пугаешь людей?

Затем она взглянула на еду в его руках, поморщилась и добавила:

— Я сейчас уйду по делам. Будешь ждать меня дома или пойдешь со мной?

Ань Ань посмотрел на А Юя, который покорно семенил следом за А Лань, и молча отошел в сторону, давая понять, что пойдет с ними.

Опять это его вечное безразличие. А Лань стало неприятно. Неужели он не может хоть как-то выражать эмоции? Вечно такой холодный, смотри, как бы зимой не замерз!

Конура А Юя была недалеко, дошли они быстро. Оказавшись на месте, А Лань поняла: Фан Шу действительно плох. Он горел так сильно, что, казалось, об него можно вскипятить воду. Не зная причин лихорадки, она решила первым делом сбить жар.

Способов было всего два: обмахивать или протирать водой. Но воды было мало, так что А Лань приказала А Юю обмахивать больного.

А Юй старался изо всех сил, махал всю ночь напролет, но жар не спадал, а становился лишь сильнее. В отчаянии А Лань сказала:

— Ничего не поделаешь. Либо он выкарабкается сам, либо придется его хоронить.

На самом деле, глядя на пунцовое лицо Фан Шу, А Лань чувствовала себя неважно. Она не любила его, но это вовсе не означало, что она желала ему смерти.

Услышав ее слова, А Юй изменился в лице и запричитал:

— Нет, не надо! А Лань, ну придумай что-нибудь! Ты же такая умная, помоги!

Он вцепился в ее руку и не желал отпускать. А Лань и сама хотела бы его спасти, но сейчас была бессильна.

— Если мы не найдем лекарство, я не знаю, что еще можно сделать, — подавленно ответила она.

Она с досадой вырвала руку и собралась выйти, чтобы хоть немного проветриться, как вдруг, едва обернувшись, услышала хриплый голос:

— Если нет лекарства, мы можем его украсть.

<http://bllate.org/book/20777/2084599>